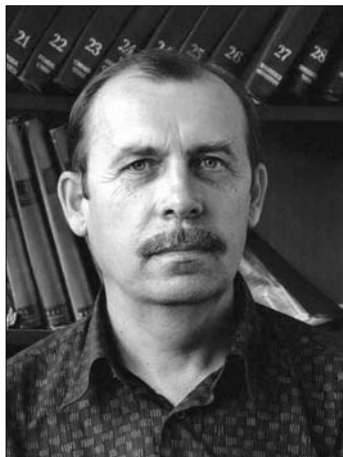

ДМИТРИЙ ВОРОНИН

ЧЕСТНАЯ СЛУЖБА

РАССКАЗ

Михася Ярошука призывали в армию. Восемнадцать Михасю исполнилось в феврале, а в конце апреля уже и повестка подоспела — милости просим в доблестные войска, защищать честь и независимость Украины.

Михася, парубок видный, высокий, под метр девяносто, мускулистый, батьке и деду справный помощник во всех домашних делах. Он и дров порубить, и сена заготовить, и мешки с бульбой в тракторный прицеп покидать, и воды матери в огород ведрами натаскать, и теплички покрыть, а ещё огурцы-помидоры в корзинах домой отнести, яблоки в подпол спустить, скотину, когда надо, прибрать. В общем, нужный работник при доме, послушный и безотказный, родительская гордость. Всем бы таких детей, горя б люди не знали.

Михася и охотник что надо, снайпер знатный, зверю шанса не даст, дедова закваска. В кухне, благодаря ему, всегда мясо найдётся.

— Михася в армию берут, праздник в доме, — гордо расхаживал по горнице, разглаживая седые обвисшие усы, дед Сашко. — Надо проводить хлопца, чтоб всем кругом знатно было. Народ созывать пора. Когда ему, напомни? — обратился он к отцу призывника.

ВОРОНИН Дмитрий Паволович родился в 1961 году в городе Клайпеда Литовской ССР. Сельский учитель. Автор трёх сборников рассказов. Участник более сорока альманахов и прозаических сборников в России, на Украине, в Беларуси и Германии. Лауреат премии им. Александра Куприна, лауреат международных конкурсов и фестивалей "Славянская лира", Беларусь; "Славянские традиции", Крым; "Русский Stil", Германия; "Гоголь-фэнтези", Украина; "За далью – даль" им. Твардовского, "Антоновка 40+", Москва и других. Живёт в посёлке Тишино Калининградской области. Член Союза писателей России.

— Так девятого мая идти, нехороший день, — озабоченно потёр лоб батько Андрий. — Да и в спецнабор какой-то вроде определили.

— И в чём печаль? В спецнабор! За сына не рад, что выделили из всех? Кому ещё такая честь в селе, скажи, а? То-то.

— Непокойно всё ж как-то на сердце, времена-то вон какие.

— А какие? Обычные времена. Не лучше и не хуже других времён. Всегда такое было. И с тобой, и со мной, и с дедом твоим Иваном, и с прадедом Панасом. И ничего, все служили да живы-здоровы остались. Так и Михасю это же уготовано, не сомневайся. Наша семья заговорённая, под Богом ходим, пресвятая дева Мария нам защитница. Поди-ка лучше девок наших созови, наказы нужно важные сделать.

Девки, две незамужние молодухи Оксанка да Ульянка — Михасины сёстры, — бабка Ганна да мамка Наталка и даже совсем уж старая бабка Христа, получив мужской инструктаж, с вдохновением впряглись в предпраздничную суету. Дом и подворье намывались, украшались, подкрашивались к приёму дорогих гостей. Со скотного двора каждый день раздавались то дикий визг свиньи, то рёв обезумевшей тёлки, то испуганное кудахтанье куриц да всполошённый гогот загнанных в угол гусей. В летней кухне постоянно что-то шипело и шкворчало до самого позднего вечера, а уже затемно над ней начинал куриться дымок, и по округе разносился сладковатый запах браги.

— Хороша горилка будет у Андрия, — втягивали ноздрями воздух сельские мужики, проходя мимо Ярошуковой хаты, — погуляем знатно.

Восьмого мая в подворье Михася Ярошука собралось много народу. Тут и родня почти вся, кроме дядьки Василя, тут и соседи, тут и друзья-товарищи, подруги. Столы, выставленные во дворе в три длинных ряда от входа в дом и застеленные узорными бумажными скатертями, ломились от угощения. Свинина, телятина, птица, рыба, сало, домашние колбасы, сыры, овощи свежие, солёные, маринованные, фрукты, — одним словом, ешь — не хочу. Да и со спиртным всё в полном порядке, горилка между блюд в двухлитровых бутылках красуется, наливочка в графинчиках искрится, вино домашнее, хочешь — виноградное, хочешь — яблочное на солнышке переливается, пива наварено немеряно. Праздник — так праздник!

За главным столом, по центру, посадили самого виновника торжества. По правую руку от него — отец с матерью, то бишь Андрий с Наталкой, рядом крёстные — дядька Мирон и тётка Ева, по левую же руку самые что ни на есть старейшины семьи — прадед Иван и прабабка Христа, за ними сразу дед Сашко с бабкой Ганной. Ну, и в остальном всё по справедливости: ближе к Михасю — родня ближняя, потом — дальняя. И в сторонних рядах всё чин чинком, с одного края — дружки-подружки Михася, с другого — соседи и друзья-подруги батькины да дедовы. Только из погодков прадеда Ивана и прабабки Христа никого, они последние в селе должовители.

Андрий Ярошук за главного сегодня на правах отца новобранца, ему и застолье вести. Встал Андрий важно, тишину нагнал, кашлянул для солидности, вышиванку поправил, волосы пригладил и начал слово говорить:

— Дорогие наши все, и родня, и други, и соседи! Вот видите, какой у нас сегодня день, важный день, праздник. Вы понимаете...

За столами одобрительно закивали, подтверждая правоту сказанного:

— А то...

— И у нас було...

— Праздник в доме...

Андрий поднял руку. Сдерживая лавину чувств односельчан и дождавшись тишины, продолжил:

— Так вот, значит, я про важный день доскажу, как есть. Наш Михасю становится защитником, нашим защитником, моим и матери, деда своего и бабки, прадеда и прабабки, и вот сестёр своих тоже. Он и вас всех под защиту берёт. Так, правильно я слово говорю? — обвёл всех растроганным повлажневшим взглядом Андрий.

— Так, так, — загалдели кругом гости. — Хорошо говоришь, верно.

— А если так, — вновь поднял руку застольник, успокаивая собравшихся, — то вот вам истина. Все Ярошуки всегда были честными защитниками

и не сгинули в своей службе на благое дело рідної неньки Украины, а уберegli себя для дальнейшей пользы жизни. Уберegli для общества и семьи. Вот я и хочу дать слово старейшине нашей семьи, самому главному нашему предку, человеку почётному и геройскому, прадеду нашего Михася — Ивану Панасовичу Ярошуку. Пусть скажет своё важное слово парубку, а мы поднимем чарки и слушаем.

Вокруг разразились аплодисменты.

— Давай, дед Иван, скажи слово потомку, нехай впитывает.

Худой, сторбленный годами старик с заострённым ястребиным носом и слезящимися полуслепыми глазами медленно приподнялся со своего места и дрожащим голосом произнёс:

— Чего тут говорить, тут моя речь короткая. Служи честно, внучку, верой и правдой служи, как прапрадед твой Панас служил.

Прапрадед Панас служил у Юзефа Пилсудского. Попал он в польскую армию в тот момент, когда пан Пилсудский с Советами воевал. Скорее даже не попал, а попался по собственной глупости. В село как-то поутру вошёл взвод солдат во главе с подпоручиком. Всех мужчин согнали на площадь перед церковью и обнародовали добровольный указ о призыве в Войско польское.

— Кто пойдёт к нам на службу, получит жалование и землю, — торжественно объявил с церковного крыльца благую весть подпоручик и вдруг неожиданно положил руку на плечо стоявшего чуть ниже Панаса. — Хочешь землю, хлопец?

— Хочу, пан офицер.

— Молодец, хлопча, будет тебе земля, много земли, но только после победы. Запишите героя в солдаты.

Вот так и призвали Панаса в армию. К обеду он уже при форме садился на телегу, не попрощавшись как следует ни с отцом, ни с матерью.

— Дурак, земли на могилу получишь, конечно, — только и успел сказать напоследок Панасу отец.

Панасу воевать не пришлось, повезло дураку: отправили его сразу же в концлагерь для русских военнопленных, что в Стшалковке расположился. Туда русаки потоками стекали. Пан Пилсудский на тот момент хорошо трепал Красную армию, вот и скапливался служивый народец в польских лагерях. Людей для охраны катастрофически не хватало, поэтому часть новобранцев переместили в тыл надзирателями, мол, послужите пока тут великой Польше, а потом уж и на фронт. Панас, хлопец крестьянский, хваткий, сразу же смекнул, что только особое старание и рвение перед начальством спасёт его от гибели на поле боя. И он старался.

Стояла зима. И несчастные русские солдатики быстро превращались в ходячих мертвецов. Жили они в наспех сколоченных лёгких бараках, которые не отапливались, а разжигать огонь внутри помещений категорически запрещалось в целях соблюдения безопасности этих строений. Многие из красноармейцев попали в плен ещё до холодов и были в летнем обмундировании, что только усугубляло их плачевное состояние. Холод и голод активно помогали смертушке делать своё дело.

— Эй, москаль тухлый, давай сюда. Прытче, прытче, — подозвал к себе пленного доходягу Панас, стоя в кругу охранников. — Жрать хочешь?

— Хочу.

— Землю жри. Съешь три жмени, дам хлеба. Ну что, Иван, съешь?

— Афанасий я.

— Панас, — загоготали кругом охранники, — ты бачишь, тёзка у тебе выискался, Афанасий! А может, это братец твой, может, близняк. Гляньте, хлопцы, как схожи, прям один в один. Может, и ты, Панас, москаль? Что скажешь?

Панас аж поперхнулся от неожиданности. Лицо его налилось кровью, и он со всего маха ударил кулаком русака в живот, а когда тот согнулся в три погибели, сбил его с ног ударом в голову и, уже лежащего, принялся остервенело пинать ногами куда попало, с ненавистью приговаривая:

— Який я тэзка ему, курве москальскай, який я ему тэзка!

— Хорош тебе, — через несколько минут охранники оттащили Панаса от жертвы, — не бачишь, что ли, сдох твой тэзка, уже хрипеть перестал.

— Добрый пёс знает своё дело, — усмехнулся в сторону озверевшего надзирателя лагерный хорунжий. — Честно служить будет.

— Молодец, Иван Панасович, верно сказал, коротко и верно, — вновь взял слово Андрий, дождавшись, когда опустеют чарки. — Наш далёкий предок служил нашей батькивщине всею правдою, и мы его не посрамили ни на миг, вся наша семья Ярошук. Вот и батька мой не соврёт. Скажи своё слово, батька, твой черёд пришёл.

Дед Сашко, высокий, стройный седовласый старик с таким же ястребиным носом, как у отца, важно встал из-за стола и поднял чарку отменного первача:

— И что тебе сказать, внучек мой дорогой, Михась? Помню тебя вот таким, — показал Сашко рукой у своего колена. — А и тогда ты лихо уже с крапивой воевал. Палку в руку — и айда рубить вражину налево и направо. И пока всю её не сничтожал, с поля боя не уходил. Храбро сражался. Хоть и жалила она тебя нещадно, а ты только губы поджимал да заново на вражину кидался. Вот так же храбро шёл в бой и батька мой, твой прадед, Иванко. Храбро и честно. За правду. Вот тебе и моё слово. Служи так же честно, как твой геройский прадед Иванко. И если в бой придётся, то так же смело, как он.

Иванко в рядах охранного батальона вошёл в белорусские Борки ранним утром, когда деревня только-только пробуждалась к работе. Зондеркоманда СС взяла Борки в плотное кольцо, а хлопцы Романа Шухевича направились по хатам — сгонять народ к бывшему сельсовету.

— Шнель, шнель, партизанское отродье!

— Пане полицай, да куда ж я с малыми дитятками? Дозвольте дома остаться.

— Геть, геть, дурна баба, сказано всем — значит, всем!

Украинские националисты силой вышвыривали из хат жителей и прикладами гнали их вперёд. Тех, кто не мог двигаться самостоятельно, расстреливали на месте. За националистами в дома входили немецкие солдаты из команды тылового обеспечения, вытаскивали во двор наиболее ценные вещи и тут же грузили их в грузовики и подводы, управляемые местными полицаями. Одновременно из сараев выгоняли уцелевшую скотину, а когда реквизиция добра заканчивалась, поджигали подворье.

Над Борками клубился дым и стоял обречённый вой жителей.

— Эй, пострел, ты куда забрался? — улыбнулся Иванко незамысловатой хитрости пятилетнего пацанёнка, схоронившегося от беды в крапиве. — И не больно тебе там сидеть? Жалится же!

— Ой, дзядзька, балюча, — всхлипнул мальчуган.

— Так вылезай оттуда.

— Не могу. Матуля загадала сидеть и не вылазить без её дозволу.

— Так это мамка твоя меня и прислала, чтоб я тебя к ней отвёл.

— Правда? — обрадовался пацанёнок, выбираясь из зарослей жгучей травы.

— Правда, вот те крест, — улыбаясь, перекрестился Иванко. — Давай руку, к мамке пойдём. Как зовут-то тебя, герой?

— Янка.

— Во как, тэзка значит.

На площади у большого амбара Иванко подтолкнул мальчугана в сторону подвывавшей толпы.

— Иди, Ваня, ищи свою мамку. Там она, ждёт тебя.

Через полчаса народ загнали внутрь амбара, закрыли ворота на засов, облили деревянную постройку бензином и подожгли.

— Ярошук, — подошёл к Иванку гауптман, когда всё было кончено, —

видел, как ты щенка за руку привёл. Молодец, честно служишь, хорошо воюешь. Награду получишь, как во Львов вернёмся.

— Вот как-то незаметно и моё слово напутствия приспело, и мне говорить сыну важное очередь пришла, — приосанился Андрий, вобрав в себя выпирающий животик. — А есть ли мне ещё что сказать после наших уважаемых дедов? Могу ли я после них? Есть ли у меня честь, люди добрые?

— Есть, есть, Андрий. Честь отца на сына. Говори слово, — зашумели за столами.

— Ну что ж, тогда скажу, — повернулся отец к Михасю. — Слушай сюда, сынку. Большая честь тебе вышла — служить за родную землю. Не посрами наш род вдаль от дома. Будь смелым и решительным в своих помыслах. Держи своего врага на мушке верно, как дед Сашко тебя учил. А дед Сашко знатный учитель, он в службе своей врагу шансов не давал. Бери с него пример, служи честно, Михась.

В Чехословакию Сашко Ярошук попал почти перед самым дембелем в составе воздушно-десантной дивизии с приказом взять под контроль пражский аэродром Рузине и обеспечить приём основных сил советской группировки войск. С Пражской весной надо было покончить раз и навсегда, как с рассадницей контрреволюции в социалистической Европе. Вот Сашко и должен был этим заняться, а ведь он уже о скорой свадьбе с Ганкой мечтал. И тут такая заваруха, будь она неладна! Все планы Сашка накрылись в одночасье, как корова языком их слизала. Никто ведь теперь не скажет, сколько это всё с чехами продлится, может, месяц, а может, и год. А если Ганка другого парня встретит? В общем, злой был Сашко на всех, ох, и злой. Ходил по границе аэродрома в охранении и бубнил себе под нос: “Москали кляти, чтоб вам всем в аду гореть!”

Недели через три в очередном вечернем дозоре из зарослей кустарника, что рос вдоль дороги, ведущей к аэродрому, на Сашка и его сослуживца Максима под крики: “*Rusové, jdíte do Moskvu!*” — обрушился град увесистых камней, один из которых пробил голову товарища. Максим от удара потерял сознание и тихо стонал, лёжа у обочины. Неизвестно, как бы там сложилось с самим Сашком, который от испуга расплакался и не мог сдвинуться с места, если бы не неожиданное появление немецкого мотоциклиста, резко притормозившего около раненого. С ходу оценив обстановку, ГДРовский солдат сорвал с плеча автомат и с колена дал длинную очередь по кустам, откуда исходила опасность. Кто-то обречённо вскрикнул в обстрелянной стороне, и за этим вскриком последовали громкие всхлипы. Немецкие военнослужащие, вошедшие вместе с советским контингентом войск в Чехословакию, особо не церемонились с местным населением, в случае непослушания тут же брали оружие на изготовку и при малейшем подозрении на агрессию со стороны чехов применяли его без предупреждения. Сашков спаситель, не обращая никакого внимания на плач и стоны в зарослях кустарника, подошёл к Максиму, отложил оружие и быстро оказал десантнику первую помощь — обработал рану, перевязал голову, сделал обезболивающий укол и по рации связался со своими. Всё это заняло несколько минут, после чего немец повернулся к Сашко, успевшему прийти в себя.

— *Komm, russe* (пойдём, русский! — нем.)! — показал он в направлении зарослей.

Метрах в пятнадцати от дороги лежал первый чех и громко стонал. Парню было столько же лет, сколько и молодым солдатам, подошедшим к нему, лет двадцать, не больше. Глаза у него помутнели, веки слабо подрагивали, рана в груди несчастного была страшной и не оставляла ему почти никаких шансов на жизнь. Немец передёрнул затвор и выстрелил одиночным в голову. Чех всхрипнул и затих. Сашко с благоговейным ужасом смотрел на деловито-спокойного немца, который молча присел перед жертвой, быстро обшарил его карманы, достал какой-то документ и положил его в свой планшет.

— *Komm, russe*, — вновь поманил за собой Сашко немецкий солдат.

Пройдя ещё метров двадцать, обнаружили насмерть перепуганного паренька лет шестнадцати, который обречённо сидел на земле и громко всхлипывал. У мальчишки была прострелена нога.

— Ausweis! — навёл на паренька автомат немец. — Schnell (Документы, быстро — нем.)!

— Nemám ausweis (Нет документов! — чешск.)! — растёр слёзы по лицу мальчишка.

— Name (Имя? — нем.)?

— Александр.

— Надо же, тёзка, — удивился ответу Сашко.

Немец, впервые услышав его голос, холодно улыбнулся и похлопал его по плечу.

— Gut! — и показал на висящий на плече Ярошука “калашник”. — Schuss (Хорошо, стреляй! — нем.).

— Я? — испуганно отпрянул в сторону Сашко.

— Ja, ja (Да, да! — нем.)! — утвердительно кивнул немец.

— Я не могу, я не убивал людей, давай сам, — попытался выкрутиться из страшного положения Сашко.

— Nein. Du. Das muss, — отрицательно покачал головой немец и вновь указал на автомат Сашка. — Schnell (Нет. Ты. Так надо. Быстро! — нем.)!

Сашко дрожащими руками снял оружие с плеча, передёрнул затвор и, закрыв глаза, выстрелил в несчастного мальчишку.

— Scharfschütze! — брезгливо ухмыльнулся немец, прощупывая сонную артерию убитого. — Ist tot (Меткий стрелок! Наповал. — нем.)!

Ярошука вырвало.

Через минуту к ним с автоматами наперевес подбежало по меньшей мере взвод аэродромовских десантников.

— Что тут произошло, сержант Ярошук? — обратился к нему взводный, косясь на труп паренька.

— Я, это... Мы, это... С Максимом. Они первые... А потом... Вот он... Я не хотел. Они первые, — не мог прийти в себя Сашко.

Лейтенант вопросительно посмотрел на немца.

— Guter russischer Soldat. Scharfschütze... — широко улыбнулся тот (Хороший русский солдат, меткий стрелок — нем.).

Через месяц Сашко демобилизовали.

— Благодарю за честную службу! Благодарности родителям за воспитание сына и в ваш сельсовет я отправил по почте, так что встретят тебя дома, как героя, не сомневайся, — крепко пожал на прощание руку Ярошуку комбат.

— Дозвольте и мне слово держать как крёстному Михася, — поднялся из-за стола мускулистый мужик возраста Андрия.

— Дозволяем, говори, Мирон.

— Спасибо, братья, — степенно поклонился Мирон народу и повернулся к крестнику. — Тут, Михась, правильно вспоминали всех твоих геройских предков, и это твоя гордость и твоя сила, я тебе скажу. Но гордость эта и сила не только в них, но и в батьке твоём и моём лучшем друге Андрии. Он ведь тоже герой, служил честно, и орден есть. Так и ты, Михась, как то яблоко от яблони, недалеко катись, служи честно, чтобы батько гордился и все гордились. Вот моё слово.

“Духи” атаквали взвод неожиданно, не в том месте и не в то время. Ударили тогда, когда этого удара никто не ждал. Миномётный обстрел, а после него шквальный автоматный огонь почти полностью уничтожили весь разведотряд шурави. Каким-то чудом уцелели только Андрий, не получивший в этом аду ни единой царапины (видать, Бог миловал), и его взводный, совсем молодой лейтенант Андрей Гончаренко, месяц назад прибывший из училища в Афганистан. Правда, лейтенанту повезло меньше: ему перебило осколками мины ногу и пуля прошла плечо. Крови взводный потерял много и тихо постанывал, временами теряя сознание. Ещё большим чудом было то,

что “духи” не стали обследовать место гибели разведчиков, а быстро растворились в горах. Почему такое случилось, так и осталось загадкой, но неожиданный уход победителей дал шанс на жизнь побеждённым.

— Тёзка, — прохрипел лейтенант, когда стало окончательно ясно, что “духи” ушли, — посмотри раны, перевяжи, где надо.

— Где надо... — машинально повторил Андрий, всё ещё находясь в плену у пережитого страха. Руки дрожали, и он никак не мог наложить повязку на рану взводного.

Не покидали мысли, что вот сейчас “духи” вернуться и завершат своё смертоносное дело, что он тут застрял с этим москалём, вместо того чтобы бежать подальше от этой общей могилы. Грохнуть, что ли, этого лейтенанта?

— Андрей, ты чего такой дёрганый? — будто почувствовал что-то неладное лейтенант. — Не дрейфь, всё будет нормалёк, прорвёмся. Наши нас уже ищут, наверное. Рацию глянь у Генки, вдруг уцелела.

Рация не уцелела, как не уцелел и сам Генка, лежащий с развороченным животом на краю тропы, по которой шёл в разведку отряд.

— Лейтенант, надо уходить с этого места, “духи” могут вернуться!

— Нет, земля, нельзя уходить. Наши нас тут искать станут.

— “Духи” тоже, — поднялся во весь рост Андрий. — Я тебя понесу, где смогу, где не смогу — тащить буду. Больно будет, терпи, не ори, а то пристукну.

Лейтенант спорить не стал, да и что зря спорить, если он в полной воле Андрия.

Через сутки двух Андреев подобрала вертушка, возвращавшаяся на базу после выполнения задания. Орден Красной Звезды вручили Андрею Ярошуку перед всем полком в тот день, когда пришёл приказ о выводе советских войск из Афганистана.

— Честный ты парень, Ярошук, настоящий товарищ, именно с таким и надо в разведку, — растроганно обнял Андрия командир полка.

Отгремели проводы, и вот Михась уже месяц воюет. Тщательно прицелившись, он выстрелил. Какое-то мгновение заморожено наблюдал через окуляр снайперской винтовки за упавшим человеком, а потом осторожно стал отползать в сторону от места своего схрона.

— Ну что, Ярошук, с почином тебя, ставь зарубку на прикладе, — хлопнул по плечу вернувшегося с первого задания Михася командир отряда снайперов ВСУ. — Запомни этот день — двадцать второго июня. С победы над первым москалём начался отсчёт твоей честной службы.

— Слава Украине! Героям Слава!

— Чего там, Андрий, кто звонил? — обтёрла от муки руки Наталка.

— Брат Василь с Луганщины. Сына его, Мишку, сегодня снайпер застрелил, с выпускного шёл. Вот так-то вот.

— Ой, боже ж мой, беда-то какая! — всплеснула руками Наталка. — А ведь какие надежды подавал, гордость Ярошуков, отличник круглый, в университет собирался. У нас такого умного в семье и не было никогда. Как там Вера после этого? Горе-то, горе!

— Война, будь она неладна!